

Приглашение к знакомству

ГОВОРЯТ, когда знаменитый итальянский певец Титта Руффо (в то время он не был даже регулярно обедающим) получил, наконец, в одном из провинциальных театров небольшую партию для дебюта, он готовился к выходу на сцену чуть ли не полгода. Зато через два часа после спектакля два молодых архитектора прибили к театру наспех сделанную мемориальную доску «Сегодня здесь впервые выступил на сцене выдающийся певец всех времен Титта Руффо».

Конечно, нужна скидка на веселый итальянский характер. И все же в этой истории есть нечто показательное для искусства. Певцов обычно признают вот так — внезапно, вдруг. Уж слишком много субъективного в оценке голосов. Почему, например, нам так нравится скользкотурно-выразительная манера пения Федора Ивановича Шаляпина, хотя он перед каждым новым предложением делает антилопеский выдох, очень похожий на звук «гы»? Более того, нам начинает казаться, что без этого «гы» фразировка стала бы бледнее. А попробовал бы делать подобное придвижание иной певец — ему не уйти из-под огня критики.

Старая истинка: надо, чтобы талант признали. Тогда даже недостатки будут восприниматься как достоинства (на худой конец — как особенности). А до той поры, случается, достоинства воспринимают, как недостаток. И ничего обидного в этом нет. Нужно время, чтобы публика привыкла к яркому индивидуальному таланту. Помните строки: «Большой талант всегда тревожит, и жаром головы кружка, не на мятеж похож, быть может, но на начало мятежа...». Имеется в виду: мятеж против устоявшихся канонов. Мятеж за право быть своеобразным.

Помню, когда Ярослав Головчук впервые появился на сцене Львовского оперного театра, меломаны растерялись:

— Для лирического тенора голос слишком силен, много «мяса», тембра... А для драматического... Гм... Нет, не Карузо!

После первых выступлений Ярослава никто не спешил прибывать на фасаде театра мемориальную доску. И дело упиралось не только в отсутствие любящих музыку архитекторов. Работы Ярослава были интересны. Альфред в «Травиате», Ионтек в «Гальке», эпизод в «Дузенье» Прокофьева. Работы честные, продуманные, но не больше. Приятный голос, четкий внешний рисунок. И все же на сцену выходил ученик, а не мастер.

Наконец, еще один дебют. Художник Каварадосси в «Тоске». Дебют нелегкий по многим причинам. В этой партии во Львове долго пел Зиновий Бабий. Звезд с неба не хватал, скорее повторял интонации других певцов. Но великолепно пользовался своим редким по красоте и тембру голосом («кирал на голосе») и тем приучил слушателей к этакому не слишком интеллигентному и простецкому Каварадосси, человеку влюбчивому, немного ограниченному, которого, может быть, случайно втянули в заговор. А сам тон спектакля во Львовской опере иной. Декорации художника Сальмана — вытянутые вверх, готические

— что-то предвещают, настораживают. Они необыкновенно точно соответствуют характеру музыки Пуччини, насыщенной и экспрессивной. В спектакле заняты великолепные певцы. В партии Скарпии — палача, интригана и ханжи, но ханжи с мифостофельским оттенком отрицания всего (и это иной раз может сойти за ум!), — выступает народный артист Союза Павел Кармалюк. Партию Тоски уже на протяжении нескольких лет успешно поет П. Криницкая. Оба они не вырываются из строгого тона оперы. А Каварадосси другой.

юноша? Конечно же, нет. Он мужествен. Мужественно и умрет. Возможно, он не поверит Тоске, которая прибежит сообщить о помиловании... Возможно, только для вида, чтобы успокоить ее, выслушает наставления о том, что упасть надо будет, «как на сцене». Нет, упасть придется, как падают в жизни. Как падают бойцы, получившие пулю в сердце. Сложный парень этот Каварадосси. И очень современный. Сегодняшний.

Ярослав Головчук теперь поет не сколько партий. Хозе в «Кармен» и Говоруха-Отрока в «Повести об одной любви». Кстати, опера Д. Толстого «Повесть об одной любви» написана по мотивам рассказа Лавренева «Сорок первый». Тема bla-

МАРИО КАВАРАДОССИ ИЗ ЛЬВОВА

Он натура героическая и увлекающаяся одновременно. Он нежен, но непоколебим. Он определен, но не однообразен. Бабий упростили Каварадосси. Сделал его более легким для восприятия. «Подбросили» рыданий в последней арии. Рыдания получились естественными, а эмоции, как известно, иной раз побеждают логику.

И вот на сцене Ярослав Головчук. Первая ария. Ария о симфонии в камне, о Вечном городе — Риме. Это поет художник. Человек, преклоняющийся перед Римом — выдающийся творением человеческого гения, городом, в котором отразились все времена и эпохи. Даже голос певца звучит просветленно, чисто, и, я бы сказал, — мудро. Да, Марио Каварадосси мудр. Он, если хотите, понимает, что за все прекрасное в жизни — за любовь к своей Италии, за любовь к Тоске — иногда приходится платить дорогой ценой. Ценой крови. Возможно, придется и ему... Каварадосси не суетлив. Его уже схватили. Его пытают. Но он слышит залпы на окраине города. Рим будет свободным. И он поет куплеты, в которых мелькают такты «Марсельезы».

Как тут не вспомнить того же Титта Руффо. Во время фашистской оккупации Милана его, больного, седоголового, вывели на балкон, и он запел «Марсельезу». Запел так, что стоявший на улице в карауле немецкий солдат усмотрел в этом вызов властям и силой оружия заставил больного старика прекратить пение. Я специально поинтересовался, знает ли Ярослав об этом случае. Да, он знает. Он любит Руффо не только как певца, но и как человека. Очень нужного человека. Уже после войны Руффо стал членом Всемирного Совета Мира.

Но вернемся к Каварадосси. Его ведут на расстрел. Знаменитая последняя ария с рыданиями. Позвольте, ария есть, а рыданий-то нет. И, собственно, почему должен Каварадосси рыдать? Что он — слезливый

годатная, яркая, характеры в рассказе настолько сценичны, что, кажется, сами просятся в оперу. Однако Дмитрий Толстого постигла неудача. Музыка оперы неизвестична в самом худшем смысле слова. Чувствуется, что композитор стремился писать современным языком, идти по дороге, проложенной Шостаковичем и Прокофьевым, но веяла получилась слабой, несамостоятельной, непевческой. Выбор Львовского оперного театра удивляет. Но Ярославу Головчуку нужно было петь. И он постарался сделать все, что можно. И сделал. В неудачном спектакле есть одна удачная партия — Говоруха-Отрока.

Это не примитив. И не дежурный поручик — в меру вежливый, кишащий своей выпрекой (надо же хоть чем-то кичиться), Говоруха-Отрок в исполнении Головчука противоречив, и тем характерен. Разумеется, это не Каварадосси, он не так симпатичен, не так искренен, но все же достаточно человечен и сложен. Да и существуют ли на свете несложные люди? Наверное, нет. Разве что в искусстве, когда ик создают не очень талантливые руки... И эта удача молодого певца в неудачной в общем опере кажется мне знаменательной.

Бывший черноморский матрос Ярослав Головчук начинает свой творческий путь неторопливо. Возможно, эта неторопливость — самый короткий путь к настоящему мастерству. И хочется, чтобы читатели запомнили такую фамилию — Головчук.

Н. САМВЕЛЯН,

г. Львов.

